

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94/99 Г 95

Л.В. Чёрная

СКАНДИНАВСКАЯ ЖЕНЩИНА ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Статья посвящена гендерному анализу скандинавского общества эпохи викингов, выявлению роли женщин, особенностей их экономического, социального и правового положения. Сравнивается положение женщины в раннескандинавском, древнерусском и древнегреческом обществах.

Эпоха викингов (конец VIII – XI в.) стала одной из самых ярких страниц в истории Северной Европы, во многом определив её дальнейшее развитие и оказав заметное влияние на остальную Европу. История норманнов неизменно притягивает внимание медиевистов и вызывает интерес как заповедник древних германских традиций. К настоящему времени ранне-средневековая история североевропейских стран хорошо изучена, во что внесли огромный вклад отечественные специалисты. Однако остаётся значительное число вопросов, которые не ставились ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях. Например, положение и роль женщины в раннесредневековом скандинавском обществе (исключение составляет ограниченное число статей, посвящённых узким вопросам правового положения женщины).

Гендерное исследование любого социума представляется нам значимым. Женщины численно составляют приблизительно половину любого общества, поэтому нельзя игнорировать особенности их мировосприятия, поведения. Положение женщины – важнейшая характеристика любого социума. Как справедливо утверждал Ш. Фурнье, которого часто цитировал К. Маркс: «Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола» [1. Т. 32. С. 486]. Той же позиции придерживался Ф. Энгельс: «В каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации» [1. Т. 20. С. 270–271]. Особенно важен гендерный анализ при изучении общества на стадии перехода от позднеродового строя к государственному, ведь процессы генезиса индивидуальной семьи, частной собственности и государственности были тесно взаимосвязаны.

Разнообразные проблемы раннескандинавской истории рассматриваются по большей части на мужских примерах (герои, конунги, бонды), а выводы распространяются на общество в целом. Такая экстраполяция выводов несколько однобока и обедняет общую картину, хотя в известной степени справедлива для патриархального общества. Скандинавский мир выделяется более высоким статусом и ролью женщины во всех сферах жизни не только среди стадильно близких обществ, но прослеживается и в режиме «большого времени». В современных скандинавских странах приняты специальные законы, охраняющие равноправие полов, в Швеции и Норвегии много женщин министров (12 из 22, 8 из 19 соответственно), в том числе министров обороны и иностранных дел (!), а также половина членов шведского парламента.

В статье предпринята попытка определить роль женщин в скандинавском обществе раннего средневековья, выделить особенности их экономического, социального, правового положения, чем в какой-то мере заполнить существующий в историографии пробел.

Основой исследования являются источники, фиксирующие события и явления эпохи викингов, часть из которых восходит к предшествующему периоду, но записанные в XII–XIII вв.: областные законы скандинавских стран, которые были записью обычного права, эпос, королевские саги и саги об исландцах.

Для более адекватного глубокого и полного выявления статусной специфики норманнских женщин необходим сравнительно-исторический анализ скандинавского, древнерусского и древнегреческого обществ, что обусловлено их стадильной близостью (период перехода от поздней военной демократии к государственности, включая первые века её существования). Древнерусская и скандинавская модели развития обладают большим сходством, греческий (полисный) вариант существенно от них отличался.

Высокий статус скандинавки был обусловлен прежде всего её значительной ролью в хозяйстве, в котором преобладало скотоводство. Женщины ухаживали за скотом, значение их труда особенно возрастало в период длительного стойлового содержания, а дойка была только женской обязанностью. Велик был их вклад в заготовку припасов, что было особенно важно из-за длительных зим: сохранение и консервирование продуктов (изготовление масла, сыра, колбас, копчение и др.), сбор дикоросов и птичьих яиц (особенно на севере) и др. Важнейшей женской обязанностью было прядение и ткачество, причём ткани служили не только для домашних нужд, но выступали одним из основных экспортных товаров. Женщины варили пиво – обязательный напиток не только на пирах, но и в повседневной жизни. На них лежали и все традиционные женские обязанности по дому – готовка, уборка, стирка, уход за детьми [2. С. 26–27].

В соответствии со значительным вкладом в хозяйство скандинавки обладали широкими имущественными правами. Они были наследницами отцов и матерей наряду с сыновьями, могли наследовать братьям и другим родственникам. Жена сохраняла права распоряжения своим имуществом (приданым, утренним даром, наследством): могла его продавать, сдавать, сохраняла в неприкосновенности после смерти мужа, развода или объявления его вне закона [3. С. 207–210, 219, 221, 236–237; 4. С. 137–140; 5. С. 72]. В Древней Руси имущество супругов также было раздельным, жена не разделяла материальной ответствен-

ности с мужем. Однако, как следует из пространной редакции «Русской правды», за разбой отвечал не только мужчина, но и его семья (жена и дети), которые отдавались общиной «на поток и разграбление» (т.е. полную конфискацию имущества и продажу в рабство) [6. С. 109]. Собственностью жены, которой она владела и распоряжалась, было её приданое, наследство, подарки [7. С. 105–109]. Не ясно, что представляло собой древнерусское венно. Возможно, оно было аналогом «утреннего дара» – значительной части имущества мужа, которую он преподносил молодой жене после первой ночи. Существовала традиция передачи части собственности по женской линии: от матери дочери, от свекрови невестке и т.д. [7. С. 138].

Скандинавская женщина была полноправной хозяйкой в доме, с которой муж советовался по важным делам. Часть обязанностей находилась только в её компетенции. Когда муж уезжал, жена становилась главой усадьбы и самостоятельно управляла ею, как, например, жена Эгиля Асгерд [5. С. 185]. Своей умелой хозяйке Одиндсе муж поставил памятник: «Вовек не пребудет в Хассмюру лучшая хозяйка, способная держать в руках всю ферму» [2. С. 26.]. Вдова опекала своих несовершеннолетних детей, управляла хозяйством и продолжала участвовать в его ведении даже после того, как дети выросли. Вдова лендрманна Гюда вела хозяйство вместе со своим сыном Фрингейром [5].

По словам Снорри Стурлусона, знаменитого исландского историка XIII в., жене конунга полагалась половина дружины, подобно богине Фрейе, которой принадлежала половина всего небесного воинства, состоявшего из павших в битве храбрых воинов. Эту дружину королева должна была сама содержать, на что ей причитались подати и налоги [8. С. 111]. Может быть, эта ситуация не было нормой, но появление такого утверждения показательно. Королевы оказывали материальную и иную поддержку своим дружинникам, например Гуннхильд – Хруту и его племяннику Олаву Павлину [9. С. 286, 293, 294].

Законы защищали жизнь и честь скандинавской женщины. Её убийство квалифицировалось как злодеяние, т.е. не подлежало вергельду (материальное возмещение) и каралось объявлением вне закона и лишением всех прав [3. С. 206]. Согласно древнерусскому законодательству, за убийство женщины судили так же, как за убийство мужчины, а её вина была половинной: 20 против 40 кун за убийство мужчины [хотя существует другая интерпретация этой статьи: вира была половинной в том случае, если женщина была виновата (например, сама участвовала в потасовке)] [6. С. 116; 7. С. 141–142]. Скандинавка обладала миром (т.е. неприкосновенностью), не включалась в число тех, кому мстят [3. С. 206–207], и не несла ответственности за подстрекательство к мести и убийству. Женщина в Древней Греции не имела такой защиты: Орест убил мать Клитемнестру за подстрекательство Эгисфа к убийству своего отца Агамемнона [10. С. 44]. Скандинавке платили большие суммы возмещения за изнасилование (равные её вергельду), оскорбление словом и делом (даже если оскорбит или ударит муж), которые становились её собственностью, а не родных [3. С. 201, 203–204, 227; 4. С. 141–

142, 142–143, 155]. При этом женщина не несла полной ответственности за свои поступки: если она убила мужчину, то отвечал её ближайший родственник-мужчина [3. С. 190]. Древнерусской женщине также полагались высокие суммы возмещения за изнасилование, ложное обвинение в прелюбодеянии, побои со стороны чужого мужчины. За воровство она несла равную с мужчиной ответственность [11. С. 261].

По скандинавским законам дети наследовали статус матери, если он был выше, чем у отца. Статус мужчины повышался, когда он женился на женщине более высокого рода, и снижался при более низком [3. С. 219]. Согласно «Русской правде» мужчина, женившийся на рабыне без разрешения её господина, становился холопом, женщина же, связавшая свою жизнь с мужчиной более низкого статуса, даже холопом, не умирала своего социального статуса [6. С. 118; 7. С. 72–73].

В сагах наряду с именем отца всегда сообщается и имя матери, а также имя жены. Иногда сыновей называют по матери, особенно в тех случаях, когда отец умирал рано: сыновья Гуннхильд, сын Ингунн, сын Халлы, дочь Грими, дочь Катлы и т.д. Конунг Харальд Синезубый поставил рунный камень «в честь отца своего Горма и матери Тюрю» [12. С. 147]. При перечислении детей всегда упоминаются дочери и вкратце сообщается об их дальнейшей судьбе. Как и о мальчиках, говорят, что дочери «подавали большие надежды», «были многообещающими». Быть отцом достойной дочери тоже счастье [13. С. 22].

В скандинавском обществе ценились не только физическая красота и благородное происхождение женщины, но и её ум, гордость, иногда даже заносчивость, решительность, практическая сметка и умения. Все эти качества были социально значимы, поэтому неизменно приводятся в сагах.

Когда девушку выдавали замуж, обязательно спрашивали её согласия, если она не соглашалась, то угоняли. Женщина имела право развестись с мужем, если считала того недостойным (как Вигдис с Тордом Годди, потому что он отказался оказать помощь её родичу, или Гудрун с Торвальдом, обвинившей его в ношении женской одежды). Арабы же писали, что скандинавская женщина просто может развестись, когда пожелает [2. С. 27; 12. С. 137]. Согласно церковному уставу князя Ярослава наказывался беспричинный развод со стороны мужа, принуждение или запрещение брака дочери, приведшее к самоубийству.

Об особом статусе женщины свидетельствует институт скандинавского наложничества. Знатный и богатый мужчина часто заводил себе несколько наложниц более низкого происхождения, чем он сам. Это было средством расширения связей наряду с женитьбой, которая предполагала равенство статусов. С женщиной более низкого социального ранга заключался особый договор о наложничестве [14. С. 36], придававший ей определённый юридический статус. Положение женщины, ставшей наложницей влиятельного и богатого мужчины, повышалось как внутри семьи, так и в округе. Она была уважаемым членом общества [14. С. 38]. Видимо, повышался и статус рабыни, если она становилась наложницей господина. Возможно, стать наложницей Харальда Прекрасноволо-

сого было предложено Гюде, но она отказалась из-за его недостаточного, по её мнению, могущества, это умалило бы её статус [15. С. 43]. Браку иногда предпочитали наложничество, поскольку: «Лучше быть наложницей хорошего человека, чем замужем за плохим» [14. С. 37]. Наложницам могла даваться в управление часть владений. Дети наложниц входили в число наследников наряду с законными детьми [14. С. 40]. Норвежские конунги Хакон Добрый и Магнус Добрый были сыновьями наложниц. Шведы предпочли Эунда – сына наложницы Олава Шведского – сыну его законной жены [16. С. 240]. В Древней Руси «неофициальная жена» после смерти мужчины могла предъявить права на часть его наследства для себя и детей и получить свою долю [7. С. 113]. Согласно «Русской правде» после смерти господина его дети от рабыни, как и она сама, получают свободу [6. С. 116].

Скандинавки, как и мужчины, имели право устанавливать (совместно с мужчинами или самостоятельно) камни с руническими надписями в память об умерших мужьях, сыновьях, дочерях и других родственниках [17. С. 129–130; 18. С. 48–49]. Это был очень важный обычай, о котором говорит сам Высокий (Один) [19. Ст. 72]. Некоторые надписи были не тривиальны, например на камне, поставленном Рагнхильд: «В память о Гуннульве. Немногие среди рождённых лучше, чем он» [17. С. 130].

Женщин хоронили не менее пышно, чем мужчин. Так, Брюнхильд велит:

Украстье костер
коврами, щитами,
рабов положите
и яркие ткани;
пусть рядом со мной
сожжен будет конунг.
Будет конунг сожжен
рядом с моими
рабами в уборах
богатых и ярких;
двух ястребов
в головах положите,
тогда будет все
как должно исполнено [20. Ст. 66–67].

Пышность обряда при погребении женщины находит подтверждение в археологических исследованиях. При раскопках кургана в Осенберге было обнаружено богатейшее захоронение королевы небольшой области – фюлька, предположительно принадлежавшее Асе, бабушке объединителя Норвегии Харальда Прекрасноволосого [2. С. 19, 22–23]. Датский конунг Горм Старый устроил капище и воздвиг большой курган своей жене Тюре, в котором позже похоронили и его самого [12. С. 147–148]. В Дании, в окрестностях круглой крепости Фюркат, было раскопано богатое женское погребение второй половины X в., сопровождающий инвентарь которого явно указывал на её занятия – она была колдуньей [21. С. 137–138] (что особенно показательно, ведь формальное крещение Дании уже произошло).

В скандинавской мифологии асиньи, скандинавские богини высшего порядка, обладают большой силой и властью. Фрейе, богине любви и плодородия, принадлежит половина воинов, павших в бою. В её

честь или в честь Фригг (жены Одина) назван день недели. Асиньи Фригг и Гевьон знают судьбы всех сущих, а Идунн хранит омолаживающие яблоки, которыми асы продлевают себе жизнь и молодость. Хель – хозяйка преисподней и будет сражаться вместе с мужчинами в день гибели богов. Богиня Ран и её дочери управляют морскими штормами. Валькирии, воинственные девы с гордыми именами «Битва», «Сила», «Пути войска», «Молния» [22. Примечания.] решают исход битвы (иногда даже вопреки воле Одина), а также кому из воинов умереть, а кому остаться в живых. Такого нет в других мифологических системах. Первые мужчина и женщины, Аск и Эмбла, были сотворены асами, богами норманнов, одновременно и независимо друг от друга, что сильно отличается от сугубо патриархального мифа Ветхого Завета, где Ева сотворена из ребра Адама. Однако превосходство мужчин нашло мифологическое отражение: женщинам был заказан путь в воинский рай – Вальхаллу, хотя иногда женщина могла стать воительницей.

В древнегреческой мифологии даже наиболее самостоятельная богиня Афина всегда согласовывает свои действия с отцом Зевсом. Символ бесправного положения древнегреческой женщины – знаменитое наказание Геры, которая осмелилась противиться супругу и была подвешена с привязанными к ногам наковальнями.

Ни в одной эпической традиции, кроме скандинавской, нет такого количества действующих по собственной воле героинь, а не просто не играющих самостоятельной роли статисток: это эддические Брюнхильд, Гудрун, Сигню, Свава, Сигрун, Сигдрива, Гримхильд. Огромно количество женских образов и в сагах об исландцах, где большинство женщин совершили какой-либо значимый поступок, часть из них являются подлинными героинями саг, на описании жизненного пути которых строится повествование, (Гудрун дочь Освивра, Унн Мудрая, Ауд – жена Гисли) [9; 22]. Жены, матери, дочери, сёстры конунгов оказывают большое влияние на их политику, на судьбы страны, и тем более на свою собственную.

Скандинавские (как и древнерусские) женщины пировали вместе с мужчинами, причём знатные сидели на почётных местах в отличие, например, от древнегреческих, которые должны были оставаться на женской половине: Телемах отправляет появившуюся в пиршественной палате мать Пенелопу «заниматься, как должно, порядком хозяйства», заявляя, что «говорить – не женское дело» [24. С. 23]. Скандинавы же, напротив, беседуют с женщинами, находя в этом большое удовольствие, и считают это нормой. Харальд Гренландец беседует с Сигрид Гордой, Кьяртан – с Гудрун, дочерью Освивра, потом с сестрой конунга Олава Трюггвасона, Гунлауг Змеиный Язык – с Хельгой Красавицей. В старости для знаменитого скальда Эгиля Скаллаgrimсона наибольшим удовольствием было беседовать со своей племянницей Тордис [5. С. 249]. Более того, мужчины спрашивают совета у женщин и следуют им: Один с Фригг [25. Ст. 1], Эйрик Кровавая Секира с Гуннхильд [4; 15; 25], сыновья Олава Павлина со своей матерью Торгерд [9], Свейн, сын Кнуда Могучего, правил Норвегией из-под руки своей матери

Альвивы [16. С. 375], видимо, также обстояло дело с сыновьями Гуннхильд. В качестве необычного случая сообщается о том, что Хаскульд мало беседовал со своей женой Йорунн [9. С. 265]. В Киевской Руси мужа, как из простонародья, так и великие князья, часто действовали «по слову с жёнами своими» [7. С. 89].

Существует много примеров, когда в честь женщин норманны слагали любовные песни, возвеличивавшие их красоту, нрав: будущий конунг Харальд Суровый сложил длинную песнь в честь дочери Ярослава Елизаветы, Эгиль – висы в честь будущей жены Асгерд. Выступать героиней песни было почётно и поднимало рейтинг женщины в обществе, что очень ценилось. Тормод скальд Чёрных Бровей попал в серьёзный переплёт, когда переделал песнь «Висы Чёрных бровей», посвящённую своей бывшей возлюбленной Торберг Чёрная Бровь, для новой – Тордис, дочери Гримы, и был вынужден восстановить первоначальный вариант [27. С. 149–151]. Глава арабской дипломатической миссии в Дании поэт Аль-Газал, по видимому, приобрёл большое расположение жены конунга тем, что посвятил ей стихи [12. С. 136–137].

Среди скандинавов были распространены случаи, когда мужчина мог пойти на многое ради женщины: на подвиг, на разрыв дружеских связей, оставить привычные занятия. Хрестоматийны примеры с Харальдом Суровым, свершившим множество подвигов, чтобы получить руку Елизаветы Ярославны, и Харальдом Прекрасноволосым [28], которого красавица Гюда подвигла на объединение Норвегии [15]. Альвир Хнува так сильно любил Сольвейг, что бросил викингские походы [5. С. 64]. Болли, чтобы получить в жёны и удержать Гудрун, пошел на конфликт и даже убийство двоюродного брата и побратима Кьяртана – возлюбленного Гудрун, вместе с которым вырос [9. С. 355–375].

Для мужа смерть жены была большим горем, которое он не стеснялся выражать. В «Саге о Магнусе Добром» приводится такой эпизод: муж оплакивал свою жену, рыдая, бил себя в грудь, рвал волосы и говорил, что лучше бы умер сам [29. С. 382]. После смерти Хельги Красавицы её муж сложил вису:

Умерла сегодня
Добрая жена моя
На руках у мужа,
Богу жизнь вручила.
Без неё в живых мне
Тяжело остаться [13. С. 29].

Память об умершей хранили и чтили. Женам ставили мемориальные камни, например, конунг Горм – «Тире, красе Дании» [12. С. 147].

Среди греков мужские слёзы по умершим, тем более по женщинам, считались недопустимыми – это женский удел [24. С. 106–107].

Женщины у норманнов плакали очень редко и делали это непублично. Гудрун дочь Гьюки «слёз не лила», когда узнала о смерти братьев [30. Ст. 29]. Гудрун, дочь Освивра, была тяжело поражена смертью Торкеля, однако перенесла её мужественно [9. С. 420]. Ауд жена Гисли после убийства её брата Вестейна плачет исключительно по ночам [23. XIV].

Скандинавки выступали в различных ипостасях: хозяйки, главы рода (Унн Мудрая), организатора по-

ходов, путешествий, мести (Унн Мудрая, Торгерд, Гуннхильд), подстрекательницы к мести, убийству (Скади, Брюнхильд, Гудрун, Торгерд, Тюри, Сигрид Гордая), мстительницы за родичей и за себя (Гудрун, Ауд, Скьяльв, Сигню), правительницы, как правило, теневой, (Гуннхильд, Альвива), заговорщицы (Гримхильд и Эмма), вдохновительницы на «большие дела», такие как завоевание страны (Гюда), помощницы, защитницы и спасительницы (Астрид – пасынку Магнусу, Ауд и Вигдис – своим родичам, Тора – ярлу Хакону), советчицы (Фригг, Гуннхильд), жрицы (Хлэдис, «ангел смерти» у Ибн-Фадлана), скальда-поэта (Йорунн Дева Скальд) и, наконец, воительницы (Хервёр, валькирии).

Матери играли большую роль в воспитании детей, особенно мальчиков: не меньше, чем отцы, они прививали сыновьям идеалы мужества, воинской доблести. Главным для них была не долгая (как для греческой Фетиды), а славная жизнь сыновей. Например, Аста вырастила двух прославленных конунгов Олава Святого и Харальда Сурового. Её первый муж Харальд Гренландец – отец Олава – погиб, когда сын был ещё очень мал. Второй муж Сигурд Свинья, отец Харальда, был поглощён хозяйственными заботами и воспитывал сыновей в соответствии с собственными пристрастиями. Мать взяла воспитание их доблести на себя. Олав, уже подчинивший Норвегию, однажды гостя у матери, наблюдая за младшим братом, сказал Асте: «Из него, мать, ты, верно, вырастишь конунга», что было признанием её заслуг [16. С. 184, 216]. Мать не давала сыну забыть, что у него есть долг отомстить за убитого отца или другого родича, более того, женщина могла пойти на рождение ребёнка только для того, чтобы был мститель, как, например Сигню или Люнхейд [31. VII; 32. Ст. 10–11]. Роль древнерусской женщины в воспитании детей была значительной, статус матери в глазах детей был высоким. Мать почиталась, её советы очень ценились уже взрослыми детьми [7. С. 95–98].

Женщины, как и мужчины, ревниво относились к своему статусу. Они отказываются выходить замуж за человека более низкого, чем они сами, происхождения (Сигрид Гордая, Астрид, сестра Олава Трюгтвасона, Торгерд, дочь Торгейра). Скандинавке всегда должна быть оказана подобающая честь. Унн Мудрая разгневалась на брата Хельги за то, что он не оказал ей подобающий приём. Гудрун оскорбилась, что почётное сиденье досталось не ей, а Хревне. Ингигерд, дочь Олава Шведского требует подобающее ей приданое и вено. Умирая, Брюнхильд отдаёт распоряжения, с каким богатством её должны похоронить.

Дух соперничества в женской среде был очень велик. Гудрун и Хревна из «Саги о людях из Лаксдаля» соперничали за первенство в социальном статусе и в сердце Кьяртана так же [9. С. 359–365], как эпические Брюнхильд и Гудрун боролись за первенство и любовь Сигурда. Асгерд и Авхильд, мачеха и мать Магнуса Доброго спорили за наибольший почёт и первенство в его глазах. Первая – на основании того, что много сделала для того, чтобы пасынок взошёл на престол, вторая претендовала на превосходство как мать [29. С. 382, 384].

Норманны открыто признавали, что женщина может быть сильнее духом, чем мужчина, как Вигдис – жена Торда Годди и Аста – мать Олава Святого, превосходившая по решительности своего второго мужа Сигурда Свинью [9. С. 276; 16. С. 184].

Торольв убил могущественного человека Халля за то, что тот забрал себе весь совместный улов, так как считал, что был опозорен при этом дележе. Он был вынужден бежать и отправился к своей дальней родственнице Вигдис, о которой знал, «что Вигдис была сильнее духом, чем её муж Торд». Вигдис признала родство, сказала, что не будет уважать его меньше после того, что он делал, и согласилась ему помочь – всю зиму прятала у себя в доме. Родич убитого, Ингьяльв Годи с Саудеяр договорился с Тордом Годди о выдаче Торольва и заплатил ему. Но Вигдис помогла Торольву бежать, отправив к родичам в Саудафелль в сопровождении раба Асгаута, который «хорошо справился со своим делом и был честен». Ингьяльв потребовал свои деньги обратно. Вигдис потребовала от Торда их вернуть, так как получил он их нечестным путём. Торд ответил, что пусть будет по её воле. Она взяла кошелек, при виде которого у Ингьяльва засверкали глаза, «и ударила им его по носу так, что сразу же на землю потекла кровь. При этом она сказала ему много презрительных слов, а также, что он никогда больше не получит этих денег и велела ему убраться. Ингьяльв увидел, что для него лучше всего как можно скорее убраться, и так он и сделал и не останавливался на своем пути, пока не достиг дома, и был не очень-то доволен своим путешествием». Вернувшегося Асгаута Вигдис ласково встретила, дала ему свободу и отдала деньги Ингьяльва. Вигдис «не стала скрывать своей враждебности к Торду и объявила, что расходится с ним» [9. С. 274–281].

Аста, мать Олава Харальдсона, встретив вернувшегося сына, предложила ему погостить и распорядиться её землёй и людьми. Её муж конунг Сигурд, узнав о приезде пасынка, выразил опасение, что, связавшись с Олавом, можно попасть в большие неприятности. Когда Олав сообщил о своём замысле завоевания Норвегии, Сигурд сказал, что не хочет связывать себя никакими обязательствами, прежде чем не заручится поддержкой других уппландских конунгов. Аста сказала, что очень довольна своим сыном и ничего для него не пожалеет, заключив: «Я бы предпочла, чтобы ты стал конунгом над всей Норвегией, даже если бы ты прожил не больше, чем Олав, сын Трюгви, чем чтобы ты был таким же конунгом, как Сигурд Свинья, и дожил бы до глубокой старости» [16. С. 182–184]. В противоположность скандинавке греческая Фетида очень хотела, чтобы у её сына Ахиллеса была долгая, пусть и бесславная жизнь.

Женщина могла быть врагом мужчины и добиться его смерти: Гуннхильд, Мать конунгов была врагом Эгиля Скаллаgrimсона, Сигрид Гордая – Олава Трюгвасона [4; 7].

Героическая гибель не являлась исключительно привилегией мужчины: Сигню из «Саги о Волсунгах» и Гудрун (в первоначальном варианте песни [31. С. 154]), свершив месть, бросаются в пламя; Брюнхильд, добившись смерти Сигурда, убивает себя; Хервёр пала в битве.

По отношению к своей судьбе – важнейшей категории скандинавского мировоззрения [33] – женщины так же, как и мужчины, выступали в качестве активного начала, а выражение «вскармливать (т.е. формировать) свою судьбу» применено именно к женщине – Гудрун, дочери Гьюки.

Разительный контраст являет древнегреческая традиция, где женщина была приложением к мужчине. Например, Елена Троянская переходила от одного мужчины к другому, и никто не спрашивал её согласия: сначала её украл Тесей, затем выдали замуж за Менелая, снова украл Парис, после его смерти перешла по наследству его брату, наконец, возвращена Менелая. Многочисленные любовницы Зевса не сами выбирают его, они не смеют ему отказать. Доставшаяся Ахиллесу по жребии при разделе военной добычи Бризеида, которую ахейцы превратили в рабыню, убив мужа и родных, покорна своей участи и даже и не думает мстить. Клитемнестра, имевшая более чем достаточно причин мстить Агамемнону (он убил её первого мужа и ребёнка, принёс в жертву их общую дочь Ифигению), лишена самостоятельности и действует по наущению соблазнившей её Эгисфа.

Рассмотрим теперь наиболее яркие судьбы нескольких женщин: эпическую Брюнхильд, королев Гуннхильд и Сигрид Гордую и героинь саг об исландцах Унн Мудрую и Гудрун, дочь Освивра. Они принадлежат к разному времени и различным социальным стратам, что позволяет обрисовать наиболее характерные черты положения и роли женщины в раннескандинавском обществе.

Брюнхильд была дочерью Будли конунга, в более поздних версиях отождествлена с валькирией Сигдривой (что, видимо, далеко не случайно и основано на сходстве характеров этих героинь). Она обоснованно считала, что при её происхождении, богатстве и выдающейся красоте должна стать женой самого прославленного и доблестного конунга. Брюнхильд полюбила посватавшегося к ней Сигурда, который победил дракона Фафнира и был настолько бесстрашен, что прошёл через окружавшее её кольцо огня, и обещала стать его женой. Сигурд уехал и прибыл к конунгу Гьюки, где, опоенный напитком забвения, позабыл Брюнхильд и свои клятвы и женился на дочери Гьюки – Гудрун, что стало результатом сложной интриги, приписываемой Гримхильд – её матери. Затем он помог Гуннару, брату Гудрун, получить Брюнхильд. Поменявшись обликом с Гуннаром, Сигурд вновь прошёл через пламя. Когда Брюнхильд узнала об обмане, то привычный мир для неё рухнул – умалён её статус, попраны её честь и достоинство, ведь она оказалась женой не прославленного героя, а человека сомнительной доблести. Жизнь становится ей немила, она не ест и ни с кем не разговаривает. Приходит в себя Брюнхильд, только приняв решение отомстить, чтобы компенсировать социальное и личное унижение. Она подстрекает Гуннара к убийству Сигурда, угрожая уйти от него вместе со своим приданым, и говорит, что, убив Сигурда, Гуннар над ним возвысится, следовательно, будет восстановлен и её статус. Но свершённая месть не приносит удовлетворения, она вложила в неё всю себя, саморазрушилась в её осуществлении и не имела сил жить дальше [34–37; 20]. Брюнхильд действительно любила Сигурда: «Один,

а не многие, был мне дорог, женщины дух не был измечивым!» [20. Ст. 40]. Примечательна смерть Брюнхильд: самоубийство над телом того, кому она отомстила. Мотивом её решения было утверждение собственной силы и смелости и намерение неслыханностью своего поступка остаться в веках:

Сам убедится, –
Когда он услышит
О смерти моей, –
Не слабой была жена,
Если заживо в могилу идет
За мужем чужим, –
То будет месть за обиду мою! [20. Ст. 40–41].

Показательно, что в цикле песен о эдических Нифлунгах главным активным началом, приводящим в движение события, являются женщины: Гримхильд, Брюнхильд, Гудрун.

Гуннхильд – Мать конунгов – одна из самых выдающихся женщин, описанных не только в «Круге земном» – знаменитой истории Норвегии с древнейших времён до 1177 г., но, может быть, и во всём корпусе раннесредневековых европейских источников. «Женщина красивейшая, умная и сведущая в колдовстве. Она была сладкоречива, но очень коварна и жестока» [38. С. 67], а также злопамятна и мстительна (её вражда к Эгилю длилась десятилетиями) [5]. Она была «настолько красивая, что такой никогда не видели», признались люди Эйрика, сына конунга Харальда, нашедшие её в хижине финнов, где она обучалась ведовству. Гуннхильд хитростью помогла убить колдунов, пошла вместе с людьми Эйрика и стала его женой [15. С. 59–60]. Она помогла мужу стать единоличным правителем Норвегии, активно вмешивалась в дела управления страной [15. С. 65]. Братья Гуннхильд тоже слушались приказов сестры [5. С. 149]. Она была вынуждена покинуть Норвегию вместе с Эйриком и их детьми, когда его брат Хакон захватил власть. Они перебралась в Англию, где у Эйрика были сложные отношения с английскими королями. После его смерти она принимает решение уехать из Нортумбрии с сыновьями [38. С. 68–70; 5. С. 195]. Когда Харальд Серая шкура наконец пришёл к власти в Норвегии, Гуннхильд ещё более активно вмешивается в управление страной. «Её называли Матерью конунгов», а сыновей – «сыновьями Гуннхильд» [26. С. 87]. Она прилагала большие усилия для сохранения и укрепления власти сына и проявляла большую политическую дальновидность, чем сам конунг: была инициатором убийства Сигвата, ярла Трандхейма и дяди Харальда – конунга Трюгтви, преследовала его жену и их сына Олава [27. С. 87, 89–90; 8. С. 98–100].

Сигрид Гордая, дочь Скёглар-Тости – ещё одна незаурядная, властная и гордая женщина, которая оказывала влияние на политику государей сразу двух стран – Дании и Швеции. «Сигрид была женщина мудрая и ей было дано многое предвидеть». Сигрид вышла замуж за шведского конунга Эйрика Победоносного и рано овдовела. Страной правил их малолетний сын Олав. «У неё было много больших поместий в Швеции» [8. С. 125, 126]. Однажды она заявила в беседе с Харальдом Гренландцем, конунгом Вестфольда, с которым она вместе воспитывалась, «что не считает свои владения и свою

власть в Швеции меньшими, чем его власть и владения в Норвегии». После чего конунг очень расстроился и через некоторое время сделал ей предложение и получил отказ. Он приехал во второй раз с тем же и поплатился за свою дерзость вместе с конунгом Вессавальдом из Гардарики. Они были сожжены по приказу Сигрида вместе со своими людьми. Так она отучила мелких конунгов свататься к себе, за что получила прозвище «Гордая» [8. С. 126].

Приблизительно через год к Сигриду посватался Олав, сын Трюгтви, захвативший власть в Норвегии. Была заключена помолвка. Кольцо, которое он прислал ей в подарок, было с изъяном – под золотом оказалась медь. Сигрид разгневалась и сказала, что Олав, раз обманув, может обмануть её и во второй. При личной встрече Олав потребовал от неё принять христианство. Сигрид ответила, что не намерена отказываться от веры, которая была раньше у неё и её родичей, но не возражает против того, чтобы конунг верил в того бога, который ему нравится. Олав разорвал помолвку и ударил её перчаткой по лицу. В ответ последовала угроза: «Это может привести к твоей смерти» [8. С. 137]. С тех пор она стала злейшим врагом норвежского конунга.

Через несколько лет Сигрид Гордая вышла замуж за конунга датчан Свейна, что привело к складыванию датско-шведского союза [8. С. 154]. Сигрид всячески подстрекала мужа вступить в бой с Олавом Трюгтвасоном и добилась того, что конунг последовал её совету. В бою с объединённым войском датчан, шведов и мятежных норвежцев под руководством ярла Эйрика (отца которого Олав сверг) норвежский конунг погиб.

Унн Мудрая, дочь Кетиля Плосконосого, – одна из первопоселенцев Исландии, от которой пошёл знаменитый род, героиня первой части «Саги о людях из Лаксдаля». Она вместе со своим отцом и взрослыми детьми была вынуждена бежать из Норвегии от притеснений Харальда Прекрасноволосого. Сначала они попытались обосноваться в Шотландии. Через несколько лет, когда её сын Торгейр погиб и отец уже умер, Унн решила, «что ей уже не удастся возвыситься в этой стране», и приказала тайно построить и снарядить корабль и отплыла с большим добром и всеми родичами в сопровождении многих именитых и знатных людей. «Люди полагают, что не было другого случая, чтобы женщина сумела спастись от такой грозной опасности с таким большим богатством и столькими спутниками. Уже из этого видно, что она сильно выделялась среди всех остальных женщин» [9. С. 255].

Сначала Унн отправилась на Оркнейские и Фарерские острова, где выдала замуж своих внуков за местных ярлов. Затем она объявила своим спутникам, что собирается в Исландию. Унн отправилась к своему брату Хельги (давно перебравшемуся в Исландию), но тот не оказал ей подобного приёма. Она разгневалась и поехала к другому брату – Бьярну, жившему в другой части Исландии, который достойно её встретил, так как знал, «что его сестра любит пышность» [9. С. 257–258]. Потом Унн «объездила все долины Брейдафьорда и взяла себе столько земли, сколько хотела», и основала усадьбу Хвамм. Она решала все семейные дела, и ей принадлежало почётное сиденье главы дома.

Выдав замуж ещё одну внучку, она посоветовала внуку Олаву скорее жениться. Олав ответил так: «Эты ты хорошо сказала, но я намереваюсь взять только такую жену, которая не умалила бы ни твоего богатства, ни твоей власти» [9. С. 261]. Унн устроила огромный пир, который, как она полагала, будет её последним, и позвала на него именитых людей со всех концов страны. Хотя она была уже очень стара и слаба, но продолжала держаться с подобающим достоинством и очень злилась, когда домочадцы спрашивали о её здоровье. В день свадьбы гости говорили, «какая она еще статная». На следующее утро её нашли мёртвой. Даже в смерти Унн была величественна: она «сидела на постели, откинувшись на подушки». Великолепный свадебный пир превратился в пышную тризну по хозяйке. «Люди восхищались тем, как Унн сохранила свое достоинство до дня смерти» [9. С. 262].

Гудрун, дочь Освивра, главная героиня «Саги о людях из Лаксдаля», считалась «первой по красоте и уму среди женщин, выросших в Исландии. Гудрун была благовоспитанной, и в то же время вся роскошь, которой окружали себя другие женщины, казалась детской забавой по сравнению с великолепием Гудрун. Из всех женщин она была самой искусной и красноречивой. Она отличалась щедростью» [9. С. 319–320]. Ей было суждено пережить четырёх мужей, о чём она узнала из вещей снов, разгаданных Гестом [9. С. 320–324].

Первый раз её выдали замуж за Торвальда, который не отличался высоким происхождением и не нравился Гудрун, но обладал большим богатством. Условием брачной сделки было то, что при разводе или смерти Торвальда Гудрун в любом случае получит половину его имущества, а также то, что он будет «покупать для неё украшения, так что ни у одной из женщин, равных ей по богатству, не будет лучших украшений». Жили они плохо: Гудрун не любила Торкеля и намеренно обостряла ситуацию, требуя покупать новые украшения, что грозило разорением хозяйства. Она решила развестись после того, как в ответ на очередное требование Торвальд нанёс ей пощечину. Формальным предлогом для развода стала сшитая Гудрун для Торвальда рубашка с большим вырезом – женская одежда, ношение которой считалось серьёзным нарушением этических норм и оскорблением супруги. Этот способ подсказал её друг – Торд, сын Ингунн, которого Гудрун вскоре подвигла развестись с женой. Гудрун и Торд поженились. Однако их брак длился недолго, так как Торд утонул. Она вновь стала завидной невестой и к тому же могла собой распоряжаться как вдова [9. С. 325–330].

Гудрун начинает встречаться и вести беседы с Кьяртаном, сыном Олава Павлина, одного из самых влиятельных людей Исландии. Между ними возникает глубокое чувство. Кьяртан внезапно решает отправиться в Норвегию. Гудрун попросила позволить ей отправиться вместе с ним. Этим он загладил бы перед ней свою вину за слишком быстрое решение. Кьяртан отвечает отказом, потому что братья Гудрун ещё малы, а отец стар, и они лишились бы всякой помощи, если бы она уехала из Исландии, но просит ждать его три года. Гудрун отвечает, что этого обещать не может [9. С. 343].

Побратим Кьяртана Болли, тоже страстно влюблённый в Гудрун, возвращается в Исландию раньше и скло-

няет её к браку, говоря, что Кьяртан в большой чести у конунга Олава и много беседует с его сестрой и Олав скорее выдаст её замуж, чем отпустит от себя Кьяртана. Под давлением родных Гудрун согласилась [9. С. 355].

По возвращении между побратимами начинаются постоянные столкновения. Кьяртану не остаётся ничего другого, как жениться на другой красавице – Хревне, отец которой богат, но менее знатен. Вскоре супруги привязались друг к другу. Кьяртан дарит жене платок, затканый золотом, – большое сокровище, в котором Хревна появилась на многолюдном пиру. Вскоре платок выкрали, вероятно, по наущению Гудрун. На одном из пиров Кьяртан велел посадить свою жену Хревну на почётное место, которое раньше всегда занимала Гудрун. Уязвлённая Гудрун стала подстрекать своих братьев и мужа убить Кьяртана и добивается своего [9. С. 359–374]. По возвращении Болли она говорит: «Большие дела мы совершили: я успела напрямь пряжи на двенадцать локтей сукна, а ты убил Кьяртана», и выражает радость, что «Хревна сегодня вечером не ляжет в постель смеясь». На слова мужа: «Я подозреваю, что ты была бы менее опечалена, если бы на месте боя остался лежать я, а Кьяртан сообщил бы тебе эту весть», Гудрун ответила так: «Не принимай этого так, потому что велика моя благодарность тебе за этот поступок. Теперь я знаю, что ты не станешь действовать против моего желания». Через несколько лет Болли был убит братьями Кьяртана, которых подвигла на месть их мать – Тордис, отправившаяся вместе с сыновьями, чтобы убедиться в свершении мести [9. С. 375–376, 383–386].

Гудрун была в большой дружбе со Снорри Годи, одним из самых могущественных людей в Исландии, и во всём пользовалась его поддержкой. Сам он сказал о ней так: «По всему видно, Гудрун, что ты выдающаяся женщина». Через несколько лет она организовала месть за мужа, в чём её поддержал знатный херсир Торкель, возглавивший отряд. Снорри не хотел, чтобы убили братьев Кьяртана или их ближайших родственников, которые были влиятельными людьми, но не решился противодействовать, потому что, как сказал он Торкелю: «Могущество Гудрун так велико, что она может победить нас обоих». Сам Торкель сделал Гудрун предложение и склонил к согласию такими словами: «У тебя великие помыслы Гудрун, и тебе не годился бы в мужа какой-нибудь бедняк. Это не подходит твоей природе». Гудрун дала согласие на брак, но чтобы урівнять себя с более знатным Торкелем, настояла на том, что свадьбу проведёт на свои деньги и запретила помогать, чем подчеркнула свой высокий статус и самостоятельность. Торкель согласился: «Пусть будет по твоей воле» [9. С. 410–420]. Однако и этот брак оказался непродолжительным – через несколько лет Торкель утонул. «Гудрун была тяжело поражена смертью Торкеля, однако перенесла её мужественно». Так сбылись её вещие сны, разгаданные Гестом. В старости сын Болли спросил её, кого из своих мужей она любила больше всего. Гудрун призналась, что Кьяртана – того, кому причинила наибольшее горе [9. С. 435].

На фоне судеб скандинавок особенно вопиющим является описанный в «Повести временных лет» случай с Рогнедой – дочерью полоцкого князя Рогволода.

К ней посватались Ярополк и Владимир. Отец предоставил право выбора дочери. Она отказала Владимиру как «робитичу» (сыну ключницы – рабыни). Захватив Полоцк, Владимир мстит за своё поправное социальное и мужское достоинство и делает это с максимально возможным унижением для женщины. Он насильно берёт Рогнеду в присутствии её пленённых родных и затем казнит их на её глазах [39. С. 58–59]. В скандинавской традиции женщина побеждённого врага тоже достаётся победителю, но о таком публичном унижении здесь нет и речи. Впоследствии Владимир не обращает внимания на Рогнеду, свою официальную жену и их сына, предпочитая ей женщин более низкого происхождения, чем наносит новое оскорбление. После нескольких лет плена Рогнеда попыталась отомстить Владимиру, но неудачно. Она остаётся жива только благодаря заступничеству сына Изяслава [40. Гл. VII]. Скандинавки Скъяльв и Гудрун, дочери Железного Скёгги мстят сразу. Скъяльв это удалось: её слуги повесили на собственном ожерелье конунга Агни, убийцу её отца и братьев. Месть Гудрун сорвалась. Однако согласно скандинавской традиции она

имела право на месть и нельзя убивать женщину, поэтому вопрос о смерти Гудрун даже не ставится, её просто отпускают восвояси [41. С. 20; 8. С. 142].

Обрисовав основные черты социально-экономического, правового положения скандинавской женщины, отношения к ней мужчины, можно сделать вывод о том, что эпоха викингов породила не только храбрых мужчин, на протяжении нескольких веков державших Европу в страхе, но и незаурядных женщин, которые были активными членами общества, движущей силой многих «больших дел» и обладали широкими правами. Жёны и вдовы конунгов, хотя и не могли официально править, сами объявляли войну и руководить походами, на практике побуждали конунгов начать их, предоставить своих воинов, и даже снарядить собственный отряд.

Проблема положения и роли скандинавской женщины, поднятая в статье, освещена далеко не полностью и требует дальнейшего всестороннего изучения. Особенно продуктивным, как нам представляется, будет её углублённое рассмотрение в сравнительно-историческом аспекте с привлечением более широкого круга источников и новых объектов сравнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955–1973. 2-е изд. Т. 1–39.
2. *Викинги: набеги с севера*. М., 1996.
3. *Вестгёталаг*. Старшая редакция // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999.
4. *Гуталаг* // Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М., 1999.
5. *Сага об Эгиле* // Исландские саги. М., 1956. С. 61–252.
6. *Русская правда* Пространной редакции. Троицкий I список // Памятники русского права. М., 1952. С. 108–120.
7. *Пушкарёва Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.
8. *Сага об Олаве сыне Трюггви* // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 97–166.
9. *Сага о людях из Лаксдаля* // Исландские саги. М., 1956. С. 253–440.
10. *Губанов И.Б.* Структура древнескандинавского общества по материалам саг // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. С. 40–48.
11. *Церковный устав князя Ярослава*. Восточно-русская редакция краткая группа // Памятники русского права. М., 1952. С. 259–262.
12. *Гуревич А.Я.* Викинги // Избранные труды. Т. I. Древние германцы. Викинги. М.; СПб., 1999.
13. *Сага о Гунлауге Змеином Языке* // Исландские саги. М., 1956. С. 21–60.
14. *Байок Дж.* Наложницы и дочери в Исландии XIII века: Вальгерд Йонсдоттир и Сольвейг, Вигдис Гисльдоттир и Турид // Другие средние века. К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 1999. С. 36–42.
15. *Сага о Харальде Прекрасноволосом* // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 42–66.
16. *Сага об Олаве Святом* // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 167–377.
17. *Клиндт-Енсен О.* Рунические камни – зеркало социальных отношений // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 129–130.
18. Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 8–128.
19. *Речи Высокого* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
20. *Краткая песнь о Сигурде* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
21. *Рёсдаль Э.* Язычество, христианство, международные связи // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 134–139.
22. *Видение Гюльвы*. // Младшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
23. *Сага о Гисли*. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
24. *Гомер*. Одиссея. М., 1985.
25. *Речи Вафтруднира* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
26. *Сага о Харальде Серая Шкура* // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 87–96.
27. *Сага о названных братьях* // Исландские саги. М., 2000. С. 118–202.
28. *Сага о Харальде Суровом* // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 402–463.
29. *Сага о Магнусе Добром* // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 378–401.
30. *Гренландская песнь об Атли* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
31. *Сага о Волесунгах*. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
32. *Речи Регина* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
33. *Гуревич А.Я.* Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 148–156.
34. *Пророчество Грипира* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
35. *Отрывок Песни о Сигурде* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
36. *Первая Песнь о Гудрун* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
37. *Поездка Брюнхильд в Хель* // Старшая Эдда. <http://www.fbit.ru/myth/texty>
38. *Сага о Хаконе Добром* // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 67–86.
39. *Повесть временных лет*. Петрозаводск, 1991.
40. *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён: В 15 т. Т. I. Глава VII. М.: ИДК, 2000 (PC CD).
41. *Сага об Инглингах* // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 11–37.

Статья представлена кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 26 ноября 2004 г.